

Магомадова Зубийдат Андарбековна

аспирантка кафедры уголовного права,

Российский государственный университет правосудия

magomadovaz@gmail.com

Zubiydat A. Magomadova

postgraduate student in Criminal Law, Russian State University of Justice

magomadovaz@gmail.com

«Оковы» определенности

«Shackles» of certainty

***Аннотация.** Стереотипное правосознание воспринимает определенность уголовно-правового запрета как идеал; его противоположность – неопределённость как несомненное зло и вредное отклонение. Тем не менее, реалии предлагают не биполярность, а целую палитру вариантов оценки определенности и неопределенности, что означает невозможность и нецелесообразность категоричных суждений. В последнее время в Уголовном кодексе наметилась тенденция к наращиванию начал определенности, которая в своем логическом развитии грозит гиперопределенностью закона, имеющей, как нам представляется, негативные последствия. Правоприменение может и должно эффективно развиваться в неопределенной среде, но при этом оно должно выйти за рамки узкого понимания принципа законности и отказаться от примата правового позитивизма. В подтверждение такой позиции приводятся результаты анализа содержания двух гиперопределенных статей Уголовного кодекса и практики их применения – ст. 144 и ст. 215. Исследуя «побочные действия» от казуистичного формулирования составов преступлений, автор доказывает преимущественную, центральную роль правовых принципов как средств преодоления издержек неопределенности и гиперопределенности в условиях несовершенного уголовного законодательства.*

***Ключевые слова:** определенность уголовно-правового запрета, гиперопределенность, целесообразность, законность, позитивизм, принципы уголовного права.*

***Annotation.** Stereotypical legal awareness perceives certainty of criminal prohibition as an ideal; its contrary - uncertainty, as wickedness and harmful deviation. Nevertheless, reality does not offer bipolarity, but a whole palette of options for assessing certainty and uncertainty, which means the impossibility and inadvisability of categorical judgments. In recent times there has been a trend of certainty augmentation in the Criminal code, which in its logical development threatens with the hyper-certainty of the law, that appears to have negative consequences. Law enforcement can and should effectively develop in an uncertain*

environment while going beyond a narrow understanding of the rule of law and abandoning the primacy of legal positivism. In support of this position, the results of the analysis of the content of two hyper-certain articles and the practice of their application are given - Art. 144 and Art. 215 of the Criminal Code. Studying the "side effects" of the casuistic formulation of corpus delicti, the author proves the predominant, central role of legal principles as a means of overcoming the costs of uncertainty and hyper-certainty in conditions of imperfect criminal legislation.

Keywords: *certainty of criminal prohibition, hyper-certainty, advisability, rule of law, positivism, principles of criminal law.*

Свойство определенности уголовно-правового запрета является сложно достижимым. Оно требует от законодателя высокого уровня мастерства в изложении нормы применения методов прогнозирования и имитационного моделирования[1, с.214]. До момента «облачения» уголовно-правового запрета в форму словесного выражения, законодатель должен верно определить объект посягательства и сделать правильное обобщение относительно предполагаемых им общественно опасными действий, способных поставить и/или, ставящих охраняемые общественные отношения в опасность.

Выше указанная процедура обобщения предполагает оптимальное сочетание формализованного и неформализованного приемов изложения текста уголовно-правовой нормы, баланс определенности и приемлемой степени неопределенности (выраженной в использовании законодателем оценочных понятий, бланкетных конструкций, относительно определенных санкций и проч.). В качестве плацдарма для наших последующих суждений используем правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в которых последний сформулировал следующие критерии определенности:

- общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями; неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона[2];
- оценку степени определенности, содержащихся в законе понятий, должна осуществляться, исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний[3];
- регулятивные нормы, устанавливающие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном правовом акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение[4].

Таким образом, орган конституционного надзора признает:

- естественным бытие норм неопределенными в той мере, в какой они в обязательном порядке требуют толкования;

- допустимым возможность усмотрения в рамках «единообразности» и заранее установленных границ (при условии синергии правоприменителей);
- жизненно необходимым существование норм в рамках системы;
- главенство принципов как ориентиров для оценки норм (в том числе, для их последующей дисквалификации).

Изложенные требования к концепции «построения» и «функционирования» законодательства являются идеалом, к которому уголовное законодательство Российской Федерации пока только стремится. Впрочем, даже в масштабах всей планеты не найдется государства с системой законодательства, «сданной в эксплуатацию» при полном соответствии всем без исключения требованиям. Ю.Е. Пудовочкин в разрезе данной проблематики утверждает, что такого идеала в реальности вовсе не существует, «ибо представления о совершенстве существенным образом разнятся, причем, не столько в зависимости от времени и пространства, сколько в зависимости от субъекта оценки» [5, с. 18-19].

Уголовное законодательство страдает множеством пороков, однако, в рамках настоящей публикации будут освещены лишь бессистемность и казуистичность (она же, гиперопределенность). Два указанных феномена взаимосвязаны, в равной мере обуславливают друг друга. Уместны к цитированию соответствующие рассуждения Бавсуна М.В. и Попова Д.В.: «право, будучи невероятно (гипер) определенным, теряет свою сущность, сам смысл своего существования, перестает быть системой норм, превращаясь в некий перечень предписаний, каждое из которых претендует на исключительность» [6, с. 35].

Очевидно, что в условиях несовершенного законодательства должен быть пересмотрен примат позитивистского правопонимания и подвергнут сомнению приоритет узкого понимания принципа законности (основывающихся на следующих посылах:

- сущностным признаком права является его формальная определенность;
- формальная определенность означает, что право объективируется в действительности через законы;
- лишь закон – источник права).

Данный тезис будет проиллюстрирован на примере содержания и практики применения двух гиперопределенных статей Уголовного кодекса – статьи 144 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» и статьи 254 «Порча земли».

1. Статья 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 144, исходя из ее текстового содержания, может быть выражена исключительно в принуждении к распространению информации или в принуждении к отказу от распространения информации. При этом необходимо отметить, что понятие «воспрепятствование», приведенное в статье 58 Закона РФ «О средствах массовой информации», включает в себя широкий спектр, ущемляющих

свободу массовой информации, действий: «воспрепятствование, **в какой бы то ни было форме**, со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а также журналистов, **в том числе, посредством**:

- осуществления цензуры;
- вмешательства в деятельность и нарушения профессиональной самостоятельности редакции;
- незаконного прекращения либо приостановления деятельности средства массовой информации нарушения права редакции на запрос и получение информации;
- незаконного изъятия, а равно уничтожения тиража или его части;
- принуждения журналиста к распространению или отказу от распространения информации;
- установления ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну»[7].

Сопоставляя эту дефиницию с текстом уголовного закона, нельзя не заметить, что законодатель криминализировал только два из указанного множества способов воспрепятствования законной деятельности журналистов.

Меж тем, потерпевшим от преступления может быть признан только журналист (входящий в штат того или иного СМИ, либо связанный с редакцией гражданско-правовыми отношениями). Данное обстоятельство подтверждается соответствующей устоявшейся в науке уголовного права позицией [8, с. 32; 9, с. 220] и сложившейся судебной практикой [10; 11].

Что важно, посягательство на журналистов как непосредственных акторов поиска информации, затрагивает не только их самих: негативные последствия от воспрепятствования их деятельности распространяются и на других людей, являющихся потребителями этой информации. Главная цель воспрепятствования - не столько учинение урона конкретной личности (журналисту), сколько недопущение распространения определенной информации среди населения либо его дезинформация. В таких случаях воздействие на журналиста выступает в качестве средства достижения поставленной злоумышленником цели.

Данное утверждение подразумевает следующее: потерпевшими от преступления, предусмотренного статьей 144 Уголовного кодекса, могут быть не только лица, непосредственно занимающихся созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции, но и главный редактор, издатель, распространитель СМИ, поскольку, во-первых, принуждение зачастую оказывается и на них; во-вторых, указанные лица являются звеньями цепочки распространения информации до конечного потребителя.

Анализ судебной практики выявил пагубный тренд - дела, в рамках которых была применена статья 144 Уголовного кодекса, представляют собой

«шаблонные», недвусмысленные примеры воспрепятствования журналистской деятельности:

- съемочная группа зарегистрированного СМИ приезжает для съемки репортажа на место событий, способных вызвать общественный интерес;

- лица, не желающие распространения соответствующей «нелицеприятной» информации, оказывают физическое воздействие на журналиста и оператора (толчками, удерживанием, заламыванием рук, нанесением побоев и проч.);

- повреждают/изымают оборудование (камеру, микрофон, цифровой носитель информации и проч.) [10 – 13].

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что указанная статья является примером гиперопределенности уголовно-правового запрета:

- позиционирует лишь два способа воспрепятствования уголовно наказуемыми;

- именуется в качестве потерпевшего лишь одно звено из цепочки передатчиков массовой информации до потребителя – журналиста.

Вследствие этого, вне уголовно-правовой охраны остается широкий круг общественно опасных деяний, воспрепятствующих надлежащей деятельности СМИ; такой, какую они должны осуществлять в демократическом обществе.

2. Статья 254. Порча земли.

Рассуждая о недостатках содержания статьи 254 Уголовного кодекса, Игнатова М.А. и Кузнецова О.А. обращают внимание на ограниченный перечень действий с вредными веществами, указанных в статье, - хранение, использование и транспортировка. Авторы отмечают, что «статья 254 Уголовного кодекса не предусматривает ответственности за такие общественно опасные действия, как захоронение пришедших в негодность пестицидов с нарушением установленных правил, повлекшее порчу земли, захламление и загрязнение земель несанкционированными свалками и полигонами» [14, с. 58]. В свою очередь, Репин М.Е. указал на следующий недостаток объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 254 Уголовного кодекса: правила, нарушение которых при наступлении указанных в ней последствий признается преступлением, касаются обращения только с определенными веществами, прямо предусмотренными в диспозиции статьи, и только ограниченного круга видов обращения с ними – хранения, использования и транспортировки. Следовательно, нарушения правил других видов обращения с такими веществами, например, их производства, обезвреживания, утилизации, уничтожения, захоронения, не подпадают под признаки состава преступления порчи земли или иных указанных в статье последствий [15, с. 130].

Если обратиться к практике применения статьи 254 Уголовного кодекса, то мы увидим следующее: за первое полугодие 2019 года – по части первой было осуждено 2 человека, по той же части статьи в отношении 1 лица уголовное дело было прекращено по не реабилитирующим основаниям; за 2018 год - по всем трем частям статьи не был осужден ни один человек, при этом по

части первой в отношении 4 человек уголовное дело было прекращено по не реабилитирующим основаниям; за 2017 год – по части первой 2 человека были привлечены к уголовной ответственности (по части второй и части третьей никто не осуждался); в 2016 году – по части первой осужден 1 человек (аналогичная ситуация по ч. 2 и ч. 3, что имела место быть в 2017 году) [16]. Приведенные в настоящей статье данные отражают число лиц, осужденных по основной статье.

Приведенные статистические данные могут свидетельствовать либо о весьма редком совершении деяния, предусмотренного диспозицией статьи 254, либо о проблеме практического применения статьи, вызванной ее неудачной законодательной формулировкой. Мы более склоняемся ко второму варианту, учитывая экологические особенности российской действительности. В подтверждение обоснованности выбранной позиции, обращаем внимание на факт образования на территории Российской Федерации, так называемой, «мусорной мафии», отличающейся высоким уровнем латентности в осуществлении своей деятельности [17 - 20].

Как видим из двух вышеприведенных примеров, гиперопределенная формулировка исследованных статей явилась преградой для полноценной защиты общественных отношений, которые эти нормы должны были охранять. Узкое понимание принципа законности «закрыло двери» для широкого толкования этих статей, которое, в свою очередь, при разумном и верном исполнении способно достичь цели уголовно-правовой охраны соответствующих благ.

Однако правоприменитель, зачастую, демонстрирует иную модель интерпретации правовых норм, нежели избранную им в отношении статей 144 и 254 Уголовного кодекса РФ.

Частным случаем такой интерпретации является принятая квалификация преступлений по части 1 статьи 226 Уголовного кодекса РФ.

Под хищением огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в соответствии с пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 N 5 (далее – «Постановление»), необходимо понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное, либо передать его другому лицу, а равно - распорядиться им по своему усмотрению иным образом [21].

При этом существует легальное определение понятия «хищение», приведенное в примечании 1 ст. 158 УК РФ (в соответствии с указанием законодателя, оно относится ко всем статьям кодекса): «Под хищением в статьях настоящего кодекса понимаются, совершенное **с корыстной целью**, противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

В тексте Постановления не установлена обязательность наличия корыстной цели у злоумышленника. Кроме того, согласно второму абзацу

пункта 13 Постановления, уничтожение, оставление на месте преступления или возвращение назад похищенного оружия после его использования для совершения других противоправных действий либо в иных целях не является основанием для освобождения лица от ответственности за хищение оружия.

Закономерно, что на практике к ответственности по части 1 статьи 226 Уголовного кодекса привлекают, как и при наличии у преступника корыстной цели [22], так и без таковой [23].

Стало быть, применительно к статье 226 Уголовного кодекса, правоохранитель не «скован» словесной формулой легального определения понятия «хищение». Налицо отсутствие единообразного толкования понятия, причем в рамках одной отрасли права (еще одно объективное выражение бессистемности уголовного законодательства). Допустимо ли это? Вернее даже так поставить вопрос – целесообразно ли?

Объектом основного состава статьи 226 Уголовного кодекса РФ является общественная безопасность в сфере оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; дополнительным – отношения собственности (одновременное посягательство и на этот объект особенно явно при хищении гражданского огнестрельного оружия; именно такие дела составляют львиную долю практики по части 1 статьи 226).

Вместе с тем, специфика предмета хищения сдвигает причинение вреда отношениям собственности на второй план, поскольку «выбытие» огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств из правомерного владения сулит более опасные последствия, нежели единственное причинение имущественного ущерба.

К тому же, ответственность по статье 226 Уголовного кодекса наступает и в случаях хищения вышеуказанных предметов у лиц, владевших ими неправомерно.

Таким образом, для правоохранительных органов такая низменная цель совершения преступления, как корысть, уходит на последний план, поскольку она не является составообразующей для данного преступного деяния.

Вышеприведенное означает, что расширительное толкование понятия «хищение» в свете статьи 226 Уголовного кодекса представляется целесообразным. Следует отметить, что аналогичная правоприменительная практика сложилась и по другим схожим по композиции составам – части 2 статьи 226, статьям 221 и 229 Уголовного кодекса.

Резюмируя промежуточные выводы, подведем черту: требования определенности уголовно-правового запрета в сочетании с требованиями недопустимости расширительного и иного небуквального толкования уголовного закона (одни из составных элементов принципа законности) имеют не только прогрессивное значение для охраны конституционных прав граждан от произвольных уголовно-правовых решений, но могут иметь и обратное значение – «оков», сдерживающих разумную свободу усмотрения

правоприменителя и ограничивающих охранительную способность уголовного закона.

В некоторых ситуациях (например, при квалификации деяния по статье 226 Уголовного кодекса) правоприменитель эти «оковы» разрывает за счет небуквального, но системного и социально-обусловленного толкования уголовного закона, а в других, подпадающих под действие статей 144 и 254, он остается пассивным, тем самым, дезактивируя их потенциал.

Следовательно, в таких условиях мы не только имеем «бракованный» элемент системы (гиперопределенную норму), но и сбой алгоритмов действий ее субъектов, а, как побочный эффект - их непрогнозируемость; должную уголовно-правовую охрану не всех, а лишь «избранных» благ. В таком случае, невозможно утверждать о существовании норм права в рамках системы – они лишь объединены в простую совокупность. Данное обстоятельство является свидетельством пагубной степени неопределенности.

Пока уголовное законодательство России остается несовершенным и бессистемным, главенствующую роль при правоприменении должны играть правовые принципы, как закрепленные в законодательстве, так и не нашедшие на текущий момент своего нормативного оформления. Для эффективного правового регулирования в некоторых случаях эссенциален отход от узкой трактовки принципа законности при условии руководства правоприменителем, наряду с ним, совокупностью принципов более обобщающего характера (справедливости, целесообразности[24] и др.), отражающих ценности, во-первых, прошедшие проверку временем, во-вторых, ориентированные на обеспечение жизнеспособности общностей людей и способные последнюю обеспечить.

Литература:

1. *Философия права: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н.В. Михалкин, А.Н. Михалкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 392 с.*
2. *Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 N 3-П "По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой" // Собрание законодательства РФ. – 1995. - № 18. - Ст. 1708.*
3. *Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 N 9-П "По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишниковой, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова" // Собрание законодательства РФ. – 2003. - N 24. - Ст. 2431.*
4. *Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 N 122-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ионава Николая Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // СПС «КонсультантПлюс».*

5. Пудовочкин Ю.Е. *Несовершенство уголовного законодательства как причина квалификационных ошибок* // *Общество и право*. – 2019. - № 2 (68). – С. 18-27.
6. Бавсун М.В., Попов Д.В. *Гиперопределенность уголовного права как предпосылка его деградации* // *Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции, 21 сент. 2018 г.: в 2 т. / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневский, И.А. Паршина, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, А.З. Хун*. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – Т. 1. – С. 34-40.
7. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124 (ред. от 06.06.2019) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // *Российская газета*. - № 32. – 08.02.1992.
8. Новиков В.А. *Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста* // *Законность*. – 2012. - № 11. – С. 30-32.
9. *Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.А. Громова*. – М: ГроссМедиа, 2007. – 606 с.
10. *Приговор Советского районного суда г. Махачкалы (Республики Дагестан) от 19.11.2018 по делу № 1-438/2018* // *Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: <http://sudact.ru> (дата обращения – 15.04.2020)*.
11. *Апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.12.2017 по делу № 22-8747/2017* // СПС «КонсультантПлюс».
12. *Приговор Ленинского районного суда Тульской области от 12.09.2017 по делу № 1-97/2017; Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 01.06.2017 по делу № 1-258/2016; Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 23.05.2017 по делу № 1-186/2017; Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 02.11.2015 по делу № 1-239/2015; Приговор Сургутского городского суда Ханты – Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области от 27.05.2014 по делу № 1 – 585/2014; Приговор Сургутского городского суда Ханты – Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области от 03.02.2014 по делу № 1 – 99/2014* // *Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: <http://sudact.ru>(дата обращения – 15.04.2020)*.
13. *Апелляционное определение Московского городского суда от 13.12.2018 по делу № 10-20591/2018* // СПС «КонсультантПлюс».
14. Игнатова М.А., Кузнецова О.А. *О разграничении уголовной и административной ответственности за порчу земли* // *Российский следователь*. – 2018. - № 8. – С. 55-60.
15. Репин М.Е. *Некоторые особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 254 «Порча земли» Уголовного кодекса РФ* // *Наука. Мысль: Электронный юридический журнал*. – 2016. - № 9. – С. 127-130.
16. *Сводные статистические данные о состоянии судимости в России с 2016 года по первое полугодие 2019 года; Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации* // *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации*

- [Электронный ресурс]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>,
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>,
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>,<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081>(дата обращения - 15.04.2020).
17. Яковлева Ю. Прокуратура взялась за несанкционированный полигон ТБО общей площадью более одного гектара на границе Татарстана и Чувашии [Электронный ресурс]: <http://kazanfirst.ru/article/123227>(дата обращения - 15.04.2020).
18. Мусорная мафия в Новой Москве после первых предупреждений сменила берег [Электронный ресурс]: <https://newizv.ru/news/politics/13-02-2019/paradoksy-bezvlastiya-svalku-v-novoy-moskve-zakryli-no-ona-rabotaet>(дата обращения – 15.04.2020).
19. Незаконные свалки в Подмосковье наносят ущерб на 4,4 млрд. рублей [Электронный ресурс]: <https://newizv.ru/news/economy/27-06-2017/nezakonnye-svalki-v-podmoskovie-nanosyat-uscherb-na-4-4-mlrd-rublej>(дата обращения – 15.04.2020).
20. Бутузова Л. Мусорный фокус: подмосковные свалки меняют название, но продолжают расти [Электронный ресурс]: <https://newizv.ru/article/general/30-12-2019/musornyy-fokus-podmoskovnye-svalki-menyayut-nazvanie-no-prodolzhayut-rasti>(дата обращения – 15.04.2020).
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». - N 5. - 2002.
22. Приговор Невельского городского суда Сахалинской области от 18.06.2019 по делу № 1-50/2019; Приговор Чугуевского районного суда Приморского края от 17.06.2019 по делу № 1-226/2018; Приговор Нефтегорского районного суда Самарской области от 07.06.2019 по делу № А1-18/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: <http://sudact.ru>(дата обращения – 15.04.2020).
23. Приговор Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 20.05.2019 по делу № 1-30/2019; Приговор Московского районного суда г. Казани от 30.05.2019 по делу № 1-220/2019; Приговор Княжпогостского районного суда Республики Коми от 08.05.2019 по делу № 1-47/2019; Приговор Североморского гарнизонного военного суда от 06.05.2019 по делу № 1-12/2019; Приговор Верховного Суда Республики Крым от 26.03.2019 по делу № 1-5/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: <http://sudact.ru>(дата обращения – 15.04.2020).
24. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2002. – 186 с.

References:

1. *Philosophy of Law: textbook and activity book for bachelor's and master's degrees / Mihalkin N.V., Mihalkin A.N. – 2nd edition, revised and expended. – M., “Yurajt” Publisher, 2017. – 392 p.*
2. *Constitutional Court judgement of 25 April 1995 no. 3-P “On challenging the constitutional validity of first and second parts of Article 54 of the Housing Code of RSFSR with regard to the claim of Sitalova L.N.” // “Assembly of the RF Legislation”. – 1995. – no. 18. – Art. 1708.*
3. *Constitutional Court judgement of 27 May 2003 no. 9-P “On challenging the constitutional validity of Article 199 of the Criminal Code of Russia with regard to the claims of Beleckij P.N., Nikova G.A., Rukavishnikov R.V., Sokolovskij V.L. and Talanov N.I. // “Assembly of the RF Legislation”. – 2003. – no. 24. – Art. 2341.*
4. *Constitutional Court determination of 21 April 2005 no. 122-O “On dismissal of claim of Ionov N.V. regarding his constitutional rights violation by the third part of Article 14.13 of the Russian Code of Administrative Offences // RLS “Consultant-Plus”.*
5. *Pudovochkin Yu.E. Imperfection of criminal legislation as a cause of qualification mistakes // Society and Law. – 2019. – no. 2 (68). – P. 18-27.*
6. *Bavsun M.V., Popov D.V. Hyper-certainty of Criminal Law as a premise of its degradation // Criminal policy and culture of counteracting crime: Proceedings of International scientific-practical Conference, 21 September 2018: in 2 volumes / editorial board: A.L. Osipenko, K.V. Vishnevskij, I.A. Parshina, V.S. Solov'ev, P.V. Maksimov, A.Z. Hun. – Krasnodar: Krasnodarsky University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, 2017. – V. 1. – pp. 34-40.*
7. *Russian Federation Law of 27.12.1991 no. 2124 (edit. from 06.06.2019) “On Mass Media” (with amendments and additions entering into force on 1 September 2019) // Rossiiskaya Gazeta. – no. 32. – 08.02.1992.*
8. *Novikov V.A. Obstructing the legitimate activities of a journalist // Legality. – 2012. – no. 11. – pp. 30-32.*
9. *Article-by-article commentary on the Russian Criminal Code / ed. by N.A. Gromov. – M.: GrossMedia, 2007. – 606 p.*
10. *The verdict of the Soviet District Court of Makhachkala (Republic of Dagestan) of 19 November 2018 with regard to the case no. 1-438/2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation; available at: <http://sudact.ru> (accessed: 15.04.2020).*
11. *Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of 6 December 2017 with regard to the case no. 22-8747/2017 // RLS “Consultant-Plus”.*
12. *The verdict of the Leninsky District Court of the Tula Region of 12 September 2017 with regard to the case no. 1-97/2017; The verdict of the Frunzensky District Court of Vladivostok of 1 June 2017 with regard to the case no. 1-258/2016; The verdict of the Frunzensky District Court of Vladivostok of 23 May 2017 with regard to the case no. 1-186/2017; The verdict of the Kochubeyevsky district court of the Stavropol Territory of 2 November 2015 with regard to the case no. 1-239/2015; The verdict of the Surgut city court of the Khanty - Mansiysk Autonomous district - Ugra of the Tyumen region of 27 May 2014 with regard to the case no. 1-585/2014; The verdict of the Surgut city court of the Khanty-Mansiysk Autonomous district -Ugra of the*

- Tyumen Region of 3 February 2014 with regard to case no. 1-99/2014 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation; available at: <http://sudact.ru> (accessed 15.04.2020).
13. Appeal ruling of the Moscow City Court of 13 December 2018 with regard to the case no. 10-20591/2018 // RLS "Consultant-Plus".
 14. Ignatova M.A., Kuznetsova O.A. On the delineation between criminal and administrative liability for land damage // Russian investigator. - 2018. - no. 8. - pp. 55-60.
 15. Repin M.E. Some features of the objective side of corpus delicti under Article 254 "Land deterioration" of the Russian Criminal Code // Science. Thought: Electronic Law Journal. - 2016. - No. 9. – pp. 127-130.
 16. Summary statistics on the state of criminal record in Russia from 2016 to the first half of 2019; Reports on the number of convicts for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation; available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (accessed 15.04.2020).
 17. Yakovleva Yu. The prosecutor's office came after an unauthorized landfill with a total area of more than one hectare on the border of Tatarstan and Chuvashia; available at: <http://kazanfirst.ru/article/123227> (accessed 15.04.2020).
 18. The garbage mafia in New Moscow has changed the coast after the first warnings; available at: <https://newizv.ru/news/politics/13-02-2019/paradoksy-bezvlastiya-svalku-v-novoy-moskve-zakryli-no-ona-rabotaet> (accessed 15.04.2020).
 19. Illegal landfills in the Moscow region cause damage up to 4.4 billion rubles; available at: <https://newizv.ru/news/economy/27-06-2017/nezakonnye-svalki-v-podmoskovie-nanosyat-uscherb-na-4-4-mlrd-rublej> (accessed 15.04.2020).
 20. Butuzova L. Garbage trick: Moscow region landfills change their name, though continue to grow; available at: <https://newizv.ru/article/general/30-12-2019/musornyy-fokus-podmoskovnye-svalki-menyayut-nazvanie-no-prodolzhayut-rasti> (accessed 15.04.2020).
 21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 March 2002 no. 5 (edition from 11.06.2019) "On judicial practice in cases of theft, extortion and illicit trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices" // "Bulletin of the Supreme Court of RF". – no. 5. - 2002.
 22. The verdict of the Nevelsky City Court of the Sakhalin Region of 18 June 2019 with regard to the case no. 1-50/2019; The verdict of the Chuguevsky District Court of Primorsky Territory of 17 June 2019 with regard to the case no. 1-226 /2018; The verdict of the Neftegorsky District Court of the Samara Region of 7 June 2019 with regard to the case no. A1-18/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation; available at: <http://sudact.ru> (accessed 15.04.2020).
 23. The verdict of the Nyurba District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of 20 May 2019 with regard to the case no. 1-30/2019; The verdict of the Moscow District

Court of Kazan of 30 May 2019 with regard to the case no. 1-220/2019; the verdict of the Knyazhpogostsky District Court of the Komi Republic of 8 May 2019 with regard to the case no. 1-47/2019; the verdict of the North Sea Garrison Military Court of 6 May 2019 with regard to the case no. 1-12/2019; Verdict of the Supreme Court of the Republic of Crimea of 26 March 26 2019 with regard to the case no. 1-5/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation; available at: <http://sudact.ru>(accessed 15.04.2020).

24. *Bavsun M.V. Advisability in Criminal Law: cand. law sci. diss. – Omsk, 2002. – 186 p.*